

My self-made monument I've not by hand created;
The people's path to it won't be by weeds besieged.
My statue's wayward head is proudly elevated
Where Alexander's Column has not reached.

No, all of me won't die, but in the lyre I cherish
My soul will cheat the rot and past the dust survive.
In the sublunar world, my greatness cannot perish
As long as one last poet is alive.

They'll want to talk of me when lauding Russia's greatness,
And every tongue she speaks will name me keeping step:
Proud Slavic grandsons, Finns, and Tunguses still tameless,
In line with Ka'lmyks, darlings of the steppe.

And long will people treat me kindly for the reason
That faithfully my lyre sought sympathy and grace,
That in my heartless age I called for sacred Freedom
And mercy on the fallen in disgrace.

Oh muse, remain alert to heed our Maker's calling;
Claim not a glorious crown nor fear a ridicule;
Be equally unmoved by slandering or lauding,
And vie for nothing with a hopeless fool.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.